

ПЕСНЬ МЁРТВОГО МОРЯ

ЕВГЕНИЙ АНПИЛОВ

Евгений Анпилов

Песнь мёртвого моря.

«Автор»

2026

Анпилогов Е.

Песнь мёртвого моря. / Е. Анпилогов — «Автор», 2026

В мире, где высохшее море превратилось в смертоносную соляную пустыню, а советская Зона отчуждения стала последним бастионом человечества, разворачивается эпическая история сталкера по прозвищу Вереск. Он отправляется в самое сердце Высохшей Черты — где хранятся ответы о судьбе тысяч людей, исчезнувших во время катастрофы. Но путь к истине лежит через территории, полные смертельных опасностей. Роман раскрывает мрачную историю выживания в мире, где советская техника соседствует с артефактами Зоны, а военные протоколы переплетаются с древними легендами. Это история о том, как в условиях апокалипсиса человечность становится самым ценным артефактом, а поиск правды может стоить жизни. «Песнь мёртвого моря» — это захватывающий триллер о выживании, борьбе за правду и противостоянии системе в мире, где каждый день может стать последним. Книга для тех, кто любит напряжённые сюжеты, глубокие характеры и атмосферу настоящего постапокалипсиса.

© Анпилогов Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ТОМ 1	5
Глава 1: Соль на затворе	5
Глава 2: Карты на стол	8
Глава 3: Закон подвала	10
Глава 4: Анатомия катастрофы	13
Глава 5: Кладбище Исполинов	15
Глава 6: Слепцы из трюма	17
Глава 7: Горький чай на «Ржавой Эскадре»	19
Глава 8: Мертвый свет и Клондайк	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Евгений Анпилогов

Песнь мёртвого моря.

ТОМ 1

Глава 1: Соль на затворе

Я сидел на колченогом, скрипучем табурете в углу заброшенной кухни на четвертом этаже стандартной панельной хрущевки. Окна здесь были наглухо, внахлест заколочены серыми, рассохшимися от степного зноя досками. Сквозь узкие, рваные щели между ними в комнату пробивался тусклый, мертвенный свет Высохшей Черты.

За окном, не умолкая ни на минуту, выл пронизывающий восточный ветер. Он швырял мелкую, едкую соляную крошку в ржавый карниз разбитого балкона. Звук этот напоминал шуршание миллионов мелких, голодных насекомых, ползающих по сухому железу. Обычному человеку этот шелест выел бы остатки разума за неделю, но для сталкеров Кантубека он давно стал привычным белым шумом.

В углу кухни, глухо и натужно кашляя копотью, дышала самодельная чугунная буржуйка. Она медленно пожирала обломки старого советского паркета, который я битый час сдирал фомкой в соседней разграбленной гостиной. На её раскаленной, покрытой бурыми пятнами окалины поверхности дребезжал закопченный жестяной котелок. В нем пузырилась серая, густая, похожая на обойный клейстер жижа — «Сытный порошок». Этот кустарный суррогат, который Док выдавал на блокпостах за бесценое, я заправил маленькой щепоткой «Черной соли». Буквально три кристалла этой аномальной дряни заставили всю грязь и тухлый мазутный осадок местной воды осесть на дно котелка плотной коркой, сделав жидкость хоть сколько-нибудь пригодной для питья. Горчило, пахло старой известью, но выбирать не приходилось. Желудок сводило от голода так, что пальцы подергивались.

Я терпеливо ждал, пока затворная рама моего старого АК-74 окончательно высохнет после тяжелой утренней вылазки к «Ржавой Эстакаде». Ствол автомата лежал у меня на коленях, обернутый в засаленный кусок брезента. Мой «Калаш» видел лучшие времена: деревянный приклад был иссечен глубокими царапинами, покрыт белесым соленым налетом и туго обмотан синей изолентой у самого основания, чтобы не треснул окончательно от отдачи. Ствольная коробка давно потеряла заводское воронение, обнажив тусклый, серый металл, изъеденный мелкими кавернами от агрессивной щелочной атмосферы Черты. Этот автомат был изношен, пули на пятидесяти метрах уже начинали «утюжить», но его затворный механизм работал четко, как советский лом.

Рядом со мной на столе, покрытом ввевшейся соляной коркой, которую невозможно было соскрести даже ножом, лежала вскрытая жестяная баночка «Завтрака туриста». Легендарная перловка с фаршем 1986 года выпуска. Толстый слой белого пушечного сала на краях жести едва начал подтаивать от тепла буржуйки, распространяя по кухне густой, тяжелый запах консервированного жира. Это был королевский подарок от Угрюмого — матерый охотник расплатился со мной за то, что неделю назад я вытащил его за шкуру из гравитационной «Плеши» на солончаке. Чуть дальше, в тени перевернутого сушильного шкафа, желтела обертка от банки «Рогачевской» сгущенки. Настоящая, жидкое золото Черты, контрабанда из-за внешней границы. Её я берег на самый крайний случай — если ранят или прижмет лучевая гниль.

Запах на кухне стоял специфический. Так пахнет вся Высохшая Черта, если у тебя хватает смелости снять респиратор в обитаемой зоне: смесь мокрого армейского брезента, ружей-

ного масла «Глухарь», горького удушливого дыма аномальной полыни и кислого привкуса сохнущего бетона.

Я потянулся к котелку, собираясь снять его с огня с помощью грязной тряпки, как вдруг снизу, со стороны площади у заброшенного ДК «Культура», донесся глухой, вибрирующий удар.

ДОННН...

Звук пошел по бетонным перекрытиям дома, отозвавшись дребезжанием в пустых кастрюлях на полках. Пашка Звонарь ударил в подвешенный на ржавой балке обломок рельса.

Один раз. Второй. Третий.

Железный набат зачастил, срываясь на панический, рваный ритм, полностью перебивая завывание степного ветра за досками. Это была не просто тревога по поводу прорыва соляных слепцов или бандитского налета Марата.

Ветер за окном резко, словно по щелчку выключателя, стих. В наступившей звенящей, замогильной тишине я отчетливо услышал, как под окнами дома с тихим, хрустальным треском лопаются и оседает соляной наст. Воздух в комнате мгновенно потяжелел, во рту появился густой металлический привкус, а кожа под затертой камуфляжной курткой покрылась крупными каплями холодного пота. Небо за щелями в досках стремительно, за секунды, наливалось иссиня-черным, чернильным цветом.

На Кантубек шел «Мертвый Буран».

Я грязно, сквозь зубы выругался, бросил ложку обратно в котелок и в темноте, чисто на ощупь, натренированными до автоматизма пальцами принял загонять затворную раму обратно в ствольную коробку автомата. Металл звякнул сухо, жестко. Крышка ствольной коробки встала на место с тяжелым щелчком. О том, чтобы переждать ураган здесь, на четвертом этаже хрущевки, не могло быть и речи. Старые стены пропускали воздух сквозь тысячи мелких трещин. Едкая кристаллическая соляная взвесь за пару минут забила бы мне легкие, превратив их в кровавую кашу, а слуховые галлюцинации «Бурана» выжрали бы остатки разума быстрее, чем я успел бы доползти до двери. Нужно было немедленно спускаться в подвал, к Михалычу.

Загнав тридцатипатронный магазин в приемник автомата и с сухим треском передернув затвор, я быстрым движением нацепил на лицо старый, пропахший моим собственным потом и табаком противогаз ГП-5. Резина обжала череп, стекла мгновенно запотели от частого дыхания, пока не сработал клапан. Схватив со стола недоеденную банку перловки и закинув автомат за спину, я рванул тяжелую брезентовую штору, служившую дверью, и выскочил в темный, холодный коридор подъезда.

Снизу, из глубин лестничного пролета, уже доносился частый топот тяжелых сталкерских сапог, перемежающийся паническим матом и грохотом бросаемого снаряжения. Сталкеры бросали свои обжитые углы в квартирах и бежали вниз, туда, где за толстыми бетонными блоками Гастронома 1 скрывались спасительные стальные гермодвери старого советского бомбоубежища.

На лестничной площадке второго этажа я едва не сбил с ног Лёньку Челкаша. Этот девятнадцатилетний воришка бежал, задыхаясь, прижимая к груди ржавую банку шпротного паштета и засаленную колоду карт. Его глаза за стеклами грязного гражданского противогаза были огромными от животного страха.

— Шевелись, Вереск! Быстрее, сука! — гаркнул он мне, его писклявый голос едва пробивался сквозь клапан выдоха. — Михалыч сказал, что через минуту задраит шлюз! Кто не успел в подвал — тот к утру станет соляной мумией на площади!

Мы кубарем скатились по последнему пролету и ворвались в полуподвальное помещение под Гастрономом. Здесь, в тусклом и колеблющемся отсвете двух керосиновых ламп, уже собралось человек пятнадцать бродяг. Воздух в подвале был плотным, горячим, пропитанным

застарелым запахом дешевого табака «Астра», мокрого армейского сукна и глухого, липкого страха.

За массивной бронированной решеткой своего прилавка, сооруженного из перевернутого прилавка советского магазина, стоял сам Михалыч. Массивный, угрюмый, в засаленном ватнике поверх тельняшки, он держал в руках заряженную двухстволку ТОЗ-34. Его заскорузлая правая рука лежала на массивном, покрытом смазкой стальном штурвале герметичной двери, уходящей глубоко в бетонный косяк.

— Все? Все зашли, бродяги?! — прохрипел Михалыч, всматриваясь в темноту лестничного пролета за нашими спинами.

Из глубины коридора, тяжело стуча берцами, показалась высокая, угловатая фигура Гвоздя. Наемник в гниющем от местной соли натовском камуфляже тяжело дышал, его комбинезон был сплошь покрыт белым налетом. Следом за ним, тяжело опираясь на плечо молодого дозорного Пашки, хромал Седой — наш угрюмый полевой хирург, бережно прижимающий к груди железный медицинский чемоданчик.

Едва Гвоздь перешагнул порог подвала, Михалыч с натужным кряхтением крутанул стальной штурвал. Тяжелые засовы с сухим, замогильным щелчком встали в пазы. Успели.

В ту же секунду за толстой полутораметровой бетонной стеной раздался такой рев, словно прямо на крышу нашего Гастронома на полной скорости падал пассажирский самолет. Земля под нашими ногами ощутимо вздрогнула. По потолку подвала поползли мелкие трещины, и струйки старой советской побелки посыпались на капюшоны наших брезентовых плащей. «Мертвый Буран» окончательно накрыл Кантубек.

Я устало опустился на деревянный ящик из-под патронов возле стены, сорвал резиновый намордник противогаза и жадно глотнул тяжелый, застоявшийся подвальный воздух. Во рту сразу появился знакомый, едкий металлический привкус соли.

— Ну что, бродяги, — Михалыч закинул двухстволку за плечо, сплюнул на пол едкую полынную жвачку и достал из-под прилавка бутылку мутного «Кантубекского первача». — Кукуем до утра. Этот Буран стихнет не раньше рассвета. Наливай, у кого кружки есть. Будем соляную дурь из головы выжигать.

Я достал из подсумка свою алюминиевую кружку, но мои мысли были далеко отсюда. На утренней вылазке к «Ржавой Эстакаде», прямо перед тем, как поднялся этот проклятый ветер, я нашел кое-что в кабине брошенного уранового КамАЗа. Старый, покрытый соляной коркой армейский планшет. И внутри него была карта, на которой чьей-то рукой был жирно обведен сектор «Лаборатории Корпуса Б» — места, куда вольные сталкеры не совались уже года три.

Сбоку ко мне тихо, почти бесшумно подсел Катран — наш слепой проводник. Несмотря на сожженные аномалией глаза, он безошибочно повернул свою бритую, покрытую шрамами голову в мою сторону и повел носом, словно пес, почуявший след.

— Нашел что-то, Вереск? — тихо, едва слышно спросил он, и его голос заставил меня напрячься. — От тебя пахнет не только солью, сержант. От тебя пахнет мертвой бумагой из армейского спецхрана. Показывай, пока Гвоздь не протрезвел.

Глава 2: Карты на стол

Я не ответил сразу. Медленно, словно нехотя, залез пальцами в глубокий боковой карман своего потертого брезентового плаща и нащупал там заскорузлый, покрытый твердой соляной коркой армейский планшет. Кожа на нем местами потрескалась и обнажила серую гнилую нить швов. Катран сидел неподвижно, но я кожей чувствовал, как напряглось его худое тело под тяжелым кевларовым плащом. Его пустые, подернутые белесой пленкой глаза были направлены мне точно в переносицу. Старик не видел света, но он феноменально точно угадывал малейшие движения воздуха и шорох ткани.

В подвале тем временем становилось шумно. Михалыч уже выставил на прилавок вторую бутылку мутного «первача», и сталкеры жадно потянулись к ней со своими железными армейскими кружками. Запах сивухи и дешевого полынного самогона мгновенно смешался с тяжелым ароматом подтаивающего пушечного сала от моей открытой банки перловки.

— Ну-ка, расступись, рванина степная! — пискляво прокричал Лёнька Челкаш, ловко протискиваясь между массивными спинами двух бывших забойщиков. В его пальцах веером затрещала колода засаленных, липких от грязи карт. — Гвоздь, сыграем на пару патронов? Или ты только ножом махать умеешь, наемничек?

Гвоздь угрюмо зыркнул на пацана из-под нависших надбровных дуг своего шрамированного лица. Его огромная фигура в затертом натовском камуфляже занимала половину шконки в углу. Правая рука наемника лениво лежала на голенище тяжелого берца, где в пластиковых ножнах прятался длинный вороненый клинок австрийского ножа Glock.

— Отвали, щегол, — процедил наемник, даже не поворачивая головы. — Не зли меня, пока Буран за стеной воет. Я сегодня на «Эстакаде» двух соляных слепцов завалил, патронов и так в обрез осталось.

Седой — наш единственный полевой хирург — сидел чуть поодаль, под самой керосиновой лампой. Его руки, иссеченные мелкими шрамами и дрожащие от застарелой контузии, бережно перебирали старые хирургические зажимы, протирая их серой тряпкой, смоченной в техническом спирте. На его лице, бледном и осунувшемся от вечной подвальной сырости, застыла маска полного безразличия ко всему происходящему. Он знал: к утру, когда «Мертвый Буран» стихнет, у него снова будет работа. Зона всегда собирала свою дань с тех, кто не успел вовремя спрятаться за гермодверью.

Я повернулся спиной к гудящей толпе сталкеров, заслонив своим широким плечом Катрана от чужих взглядов. Осторожно, стараясь не шелестеть сухой кожей, я расстегнул ржавую медную кнопку планшета. Внутри, завернутый в кусок промасленной ветоши, лежал плотный лист плотной советской бумаги. Это была топографическая карта Генерального штаба СССР за 1987 год. Её края обгорели, а по всему полотну расплылись уродливые фиолетовые пятна — следы воздействия аномальной щелочи Высохшей Черты.

Но главное было цело. Прямо по центру карты, поверх высохшего ложа Аральского моря, чьей-то рукой в резиновой перчатке был жирно, в несколько слоев обведен красный круг. Внутри круга косой канцелярской тушью было выведено: *«НИИ Микробиологии АН СССР. Корпус Б. Закрытый сектор А-2. Запечатано по приказу МО СССР от 12.11.1989».*

— Ну, что ты там замер, сержант? — тихо, едва слышным шелестом прохрипел Катран, склонив голову к моему плечу. — Мои уши слышат, как твои пальцы дрожат. Что там нарисовано?

— «Корпус Б», старик, — так же тихо ответил я, не снимая пальцев с обгоревшего края бумаги. — Карта ГРУ. И на ней четко прорисован старый сухоходный фарватер, который вел прямо от портовых кранов Муйнака к острову Возрождения в обход всех гравитационных «Плешей». Кто-то проложил безопасную тропу прямо к подземным бункерам.

Катран резко, словно от удара током, выпрямился. Его бледные губы судорожно сжались, а пальцы, обтянутые старой кевларовой рукавицей, мертвой хваткой вцепились в ствол его чудовищного 23-миллиметрового карабина КС-23, стоявшего между его коленей.

— «Корпус Б»... — прошептал старик, и в его слепом взгляде промелькнуло подобие первозданного, дикого страха. — Ты сдурел, Назаров. Туда вольные бродяги уже три года не совались. Там «Соляной Саван» дышит прямо из вентиляционных шахт на километры вокруг. Там Пустынники Ионы устроили свое главное капище. Они считают, что в подвалах этого НИИ заперто то самое древнее божество, которое высушило море. Если мы туда сунемся — нас не просто в соль закатают. Нам разум выжгут быстрее, чем ты успеешь автомат с предохранителя снять.

— Там списки депортации восемьдесят девятого года, Катран, — я жестко перебил его, глядя в его белые, безжизненные глаза. Внутри меня снова заворочалась та самая глухая, тяжелая злость, которая годами гнала меня через солончаки. — Капитан Воронов перед тем, как его блокпост накрыло выбросом, успел мне шепнуть: все документы роты охраны и спецпоселков острова Возрождения остались в сейфах спецхрана 3 на нижнем ярусе «Корпуса Б». Моя мать и Наташка... они были в тех списках. Я должен узнать, куда их увезли военные во время эвакуации. Или окончательно убедиться, что искать больше некого.

Катран замолчал. За толстой бетонной стеной подвала Гастронома с новой силой взвыл ураган, и до вентиляционных труб донесся протяжный, леденящий душу свист. Это аномалия «Соляной Саван» терлась о ржавые листы железа на крыше, издавая звук, похожий на плач ребенка. От этого шелеста внутри все сжималось в ледяной комок, а в ушах у меня снова едва слышно, настойчиво начал звучать далекий мотив советского марша «Прощание славянки» — первый признак того, что мелкая соляная пыль всё же пробивается сквозь старые фильтры подвальной вентиляции.

Я достал из нагрудного кармана мятую, просоленную пачку «Астры», выудил оттуда последнюю кривую сигарету и чиркнул спичкой. Горький, едкий дым советского табака обжег легкие, ненадолго заглушая этот проклятый внутренний марш.

— Ладно, сержант... — Катран медленно опустил голову, его лицо осунулось. — Карта у тебя правильная. Старый фарватер я помню, я по нему еще в семьдесят пятом на рыболовецком траулере ходил, когда море было живым и синим. До рассвета сидим тут, лечим соляную дурь самогоном Михалыча. Как только «Мертвый Буран» утихнет и соль уляжется — выходим. Но если ты мне соврал, Вереск, и в тех бункерах вместо документов лежит очередная аномальная бомба ученых... я лично оставлю тебя посреди «Плеши».

В этот момент из угла, где Челкаш крутился возле Гвоздя, раздался дикий, яростный крик пацана и сухой, хищный клик вытаскиваемого из ножен ножа.

Глава 3: Закон подвала

— Гвоздь, сука, ты карту из рукава вынул! — Лёнька Челкаш взвизгнул так, что его писклявый голос сорвался на фальцет.

Пацан резко вскочил с ящика, опрокинув пустую жестяную кружку. Засаленная, покрытая въевшейся соляной грязью колода карт веером полетела на грязный бетонный пол, усыпанный белой крошкой осыпающейся с потолка побелки.

Наемник поднимался медленно, словно нехотя, но в каждом движении его огромного тела сквозила хищная, натренированная грация профессионального убийцы. Его массивная фигура в гниющем от едкой щелочи натовском камуфляже буквально нависла над испуганным, но упрямым пацаном. На загорелой, покрытой шрамами шее Гвоздя вздулись толстые жилы. Из-за голенища его тяжелого, просоленного берца с сухим, едва слышным, но леденящим душу щелчком показался вороненый клинок австрийского ножа Glock.

— Рот завали, щегол, — тихо, сквозь зубы процедил Гвоздь. В его темных глазах не было ярости — только холодная, ленивая готовность пустить кровь. — Или я тебе его до самых ушей прямо сейчас расширю. Самогон в голову ударил?

В подвале мгновенно, словно по щелчку, повисла тяжелая, звенящая тишина. Сталкеры замерли у прилавка с кружками в руках. Веселье Михалыча испарилось, бродяги инстинктивно начали отступать к стенам, подальше от линии ножа. Седой даже не поднял своей седой головы, продолжая флегматично и методично протирать спиртом ржавые хирургические зажимы, а Матушка Марфа в самом дальнем, темном углу подвала тихо зашептала молитву, быстро перебирая четки из сушеных, жестких полынных стеблей.

Я отреагировал быстрее, чем Гвоздь успел сделать шаг вперед. Моя правая рука мягко, без лишнего шума сняла автомат АК-74 с предохранителя.

Сухой, металлический клик переводчика огня прозвучал в замкнутом бетонном пространстве подвала как пушечный выстрел. Я не стал поднимать оружие к плечу и целиться — просто плавно перевел ствол старого «Калаша» вперед, направив его в пол прямо между ногами наемника и Челкаша. Но Гвоздь замер мгновенно. Он был матерым волком и прекрасно знал, что мой Вереск бьет без промаха, без предупреждения и бронебойными патронами 5.45.

— Кончай базар, — хмуро бросил Михалыч.

Торговец даже не повернулся в их сторону и не потянулся к своей двухстволке. Он лениво сплюнул на бетонный пол едкую полынную жвачку из дикого саксаула и поправил засаленный ватник на широких плечах.

— В моем подвале кровь прольете — скормлю обоих первой же твари за порогом, как только Буран утихнет. Мне лишние трупы под шконками не нужны, от них вонь на весь Гастроном. Гвоздь, нож в голенище вернул. Быстро. Челкаш — забился под стеночку и не отсвечивай до рассвета, пока я у тебя твою банку шпрот не отобрал за аренду угла.

Наемник поджал губы, его челюсти судорожно сжались. Он медленно крутанул тяжелый нож в пальцах и с тихим, металлическим шорохом вернул его в кожаные ножны на берце. Челкаш, бледный как свежий соляной наст, шумно шмыгнул носом, подобрал с пола пару выпавших карт и быстро скользнул в самый темный угол подвала, за бочки с «Кантубекским первачом».

Я расслабил затекший палец на спусковом крючке автомата, но предохранитель возвращать не стал. Зона не прощает горячки, но она еще быстрее наказывает за излишнюю доверчивость. Здесь, под толщей бетона, пока снаружи беснуется и рвет крышу «Мертвый Буран», мы все — заложники одной железной клетки.

За стенами подвала ураган взвыл с новой, утробной силой. Сквозь старые вентиляционные трубы доносился жуткий, вкрадчивый свист. Это аномалия «Соляной Саван» терлась о

ржавые листы железа на крыше Гастронома. Звук был такой, словно сотни невидимых, иссушенных мертвецов скреблись ногтями в бетон, умоляя впустить их внутрь, под защиту стен.

От этого шелеста внутри все сжималось в ледяной комок, а в ушах у меня снова начал настойчиво и громко звучать далекий, едва различимый мотив советского марша «Прощание славянки». Это был первый, самый верный признак того, что соляная микроскопическая пыль все-таки находит лазейки в старых фильтрах и начинает выжигать мозг.

— Держи, сержант, — Катран мягко коснулся моего локтя.

Его костлявая рука потянулась ко мне, и в бледном свете керосинки я увидел, как в его пальцах тускло поблескивает маленький, багровый, граненый кристалл. Это был артефакт «Октябренок». С виду он напоминал старую советскую пионерскую звездочку, чудом сплавившуюся в адском пламени Черты. От кристалла шло едва заметное, живое и вибрирующее тепло.

— Возьми, Семен, — тихо прохрипел слепой старик, заталкивая кристалл мне прямо в ладонь. — Он соляную дурь и этот проклятый марш из головы вытягивает. А то я кожей слышу, как у тебя зубы от этой музыки сжимаются.

Я сжал кристалл в кулаке. Кожу мгновенно обожгло приятным, покалывающим жаром. Ментальная музыка в голове почти сразу затихла, уступив место тяжелой, свинцовой апатии — извечной цене, которую сталкеры платили за использование «Октябренка». Но это было в сто раз лучше, чем сойти с ума под вой урагана.

Мы сидели молча, плечом к плечу, до самого рассвета. Постепенно страшный грохот над головой сменился глухим, утробным ворчанием земли, а затем и вовсе затих. Наступило утро. Самое опасное утро на Высохшей Черте.

Михалыч тяжело поднялся со своего табурета, подошел к массивному стальному штурвалу гермодвери и, натужно кряхтя, крутанул его обеими руками. Стальные засовы вышли из бетонных пазов с тяжелым, по-настоящему замогильным стоном. Тяжелая дверь со скрипом поддалась, и в душный подвал ворвался утренний воздух — ледяной, стерильный, насквозь пропитанный солью и резким запахом мокрой извести.

Я первым поднялся по бетонным ступеням подъезда и плечом толкнул перекошенную входную дверь Гастронома 1.

Мир за порогом изменился до неузнаваемости.

Кантубек лежал передо мной, полностью затопленный ослепительно белым, искрящимся морем свежей, только что принесенной ураганом соли. Барханы белой едкой пыли доходили до уровня вторых этажей хрущевок. Небо над нашими головами было свинцово-серым, тяжелым, словно спрессованным из грязной ваты. Солнце сквозь эту плотную пелену казалось тусклым, размытым фосфорным пятном, которое не давало ни капли тепла.

Вековые советские пятиэтажки стояли с облупившейся серой краской, их пустые глазницы выбитых окон смотрели на соляную пустыню с немой, обреченной тоской провинции. Кое-где из сугробов соли торчали ржавые, скрюченные остовы автомобилей «Жигули» и старых автобусов «ЛиАЗ», похожие на скелеты доисторических животных, застигнутых ледниковым периодом.

На крыше ДК «Культура» Пашка Звонарь, закутанный в три слоя грязного брезента, устало опустил руку с тяжелым армейским биноклем. На рельсе, в который он бил всю ночь, намертво застыла толстая, белая соляная корка.

Я быстро натянул резиновый намордник противогаза ГП-5 на лицо, проверил, плотно ли прилегают завязки ОЗК к голенищам берцев, и перекинул брезентовый ремень автомата через плечо. Рядом со мной бесшумно, словно серый призрак, вырос Катран. В его руке был длинный стальной шуп с наваренным на конце гаечным ключом — его единственное оружие и единственный путеводитель в этом просоленном аду.

— Ну что, Вереск, — глухо прохрипел старик сквозь резиновый клапан выдоха. — Пошли искать твой «Корпус Б». Да хранит нас советская власть, которой больше нет ни на одной карте мира.

Мы сделали первые шаги за порог Гастронома, и соляной плотный наст с сухим, хрустальным треском провалился под нашими тяжелыми сапогами.

Глава 4: Анатомия катастрофы

Мы двигались на юг, оставляя за спиной занесенные белыми сугробами пятиэтажки Кантубека. Катран шел впереди, методично и плавно опуская свой стальной шуп в хрупкий соляной наст перед каждым шагом. *Хруст... пауза... хруст...* Этот звук въедался в уши, становясь метрономом нашей новой, исковерканной жизни. Вокруг нас, насколько хватало взгляда сквозь свинцовую пелену тумана, простиралось ослепительно белое, искрящееся ложе бывшего Аральского моря. Потрескавшаяся соляная пустыня, усеянная скелетами ржавых кораблей, была безмолвным памятником тому дню, когда привычный мир перестал существовать.

Противогаз ГП-5 привычно давил на череп, резина пахла тальком и застарелым потом. Я шел следом за стариком, стараясь попадать точно в его следы, и смотрел на блеклое фосфорное пятно солнца, едва пробивающееся сквозь плотные облака. Внутри маски дыхание было тяжелым, с металлическим привкусом. Каждый бродяга в Черте знал эту историю наизусть, но здесь, посреди мертвой соляной равнины, воспоминания о прошлом казались особенно горькими.

Всё началось в ноябре 1989 года. Советский Союз уже трещал по швам, но в закрытом городе Аральск-7 на острове Возрождения ученые из секретных лабораторий Министерства обороны и Академии наук СССР вели разработки, далекие от мирной перестройки. Официально комплекс занимался микробиологическим оружием, но подлинной целью военных был проект «Живой резонансный контур». Они пытались подчинить себе аномальную тектоническую энергию, скрытую в глубинных разломах под Аральским морем, и создать психотронный генератор «Омега» — установку, способную дистанционно выжигать разум вражеских армий.

Двенадцатого ноября восемьдесят девятого года на установке «Омега-1» был запущен финальный, сверхмощный импульс. Ученые не рассчитали нагрузку, и аномальное поле вышло из-под контроля. Произошел так называемый **Первый Морской Спурт**.

Физические законы в регионе сломались за доли секунды. Из глубин субдонного разлома вырвалась неизвестная субстанция — «тяжелый рассол», аномальная щелочная энергия, которая мгновенно вступила в реакцию с морской водой. Аральское море не просто испарилось — оно выгорело изнутри, превратившись в бескрайнюю соляную пустыню всего за несколько недель. Волна колоссального электромагнитного и ментального удара накрыла побережье на сотни километров вокруг.

Большая земля в панике отгородилась от катастрофы. Советские войска спешно эвакуировали партийную верхушку и ведущих ученых, бросив регулярные роты охраны, забойщиков урановых рудников и жителей прибрежных поселков на произвол судьбы. Регион объявили зоной смертельного биологического и тектонического заражения, стерли со всех карт Генерального штаба и обнесли тремя рядами колючей проволоки, запечатав блокпостами.

Но мир внутри этой Черты не погиб. Он переродился.

Вся экосистема Приграничья мутировала под воздействием аномальной соли и радиации. Обычная степная полынь превратилась в жесткий, иссиня-черный кустарник, чьи корни высасывали из земли химикаты. Степные волки и каспийские тюлени, застрявшие на высохшем дне, скрестились и мутировали, превратившись в слепых «донных тварей», покрытых прочной соляной броней вместо шерсти. Атмосфера Черты насытилась микроскопической кристаллической солью, которая разъедала металл и брезент за месяцы, если их не покрывали специальной мазутной смазкой.

Самым страшным изменением стали люди. Ментальный удар «Омеги» стер разум тысяч местных жителей и брошенных солдат, заставив их забыть свои имена. Их глаза налились тупой, безмятежной янтарной желтизной. Зона превратила их в «оседлых» — живые, послушные полупризраки, чьи мозги круглые сутки транслировали одну и ту же частоту, заложенную

советскими генераторами — марш «Прощание славянки». Они приспособились жить прямо на артефактах, их тела не чувствовали боли и лучевой болезни, но человеческого в них почти не осталось. Те же, чей разум чудом устоял — беглые уголовники, дезертиры и выжившие сталкеры — сбились в банды вроде «соляных крыс» Марата или вольные группы бродяг в Кантубеке, начав жестокую войну за остатки советского Госрезерва, патроны и артефакты.

— Слышишь, Вереск? — Катран резко остановился, прерывая мои мысли.

Его стальной шуп замер, едва коснувшись края ржавого, наполовину ушедшего в соль корабельного листа. Старик медленно повернул ко мне свою слепую, покрытую шрамами голову.

— Туман впереди густеет. Мы вышли к «Кладбищу Исполинов». И дозиметр мой на поясе... он уже не щелкает, Семен. Он греется. Мы на самом краю лучевой ямы.

Я скинул автомат, переводя взгляд на зеленый экран прицела. Впереди, сквозь фиолетовые нити тумана, начали проступать циклопические ржавые контуры застрявших в соли военных кораблей.

Глава 5: Кладбище Исполинов

Фиолетовый кисель соляного тумана накатывал со стороны открытого дна рваными, маслянистыми волнами. В этом мареве ржавые остовы брошенных кораблей казались силуэтами допотопных чудовищ, застигнутых внезапным ледниковым периодом. Мы вошли в сектор, который сталкеры Кантубека называли «Кладбищем Исполинов». Здесь в ноябре 1989 года, во время Первого Спурта, намертво увязла целая рыболовецкая флотилия и пара военных патрульных катеров. Вода ушла из-под их килей за считанные часы, оставив многотонные железные коробки ржаветь посреди соляной пустыни.

Катран двигался медленнее, чем обычно. Его длинный металлический щуп теперь не просто простукивал наст, а бережно прошупывал каждый сантиметр серого, покрытого мазутной коркой наста. По краям облупившихся бортов сухогруза «Правда», мимо которого мы пробирались, свисали гигантские, граненые соляные сосульки длиной с человеческий рост. Когда налетала степная низовая метель, эти ледяные иглы бились друг о друга с сухим, хрустальным перезвоном.

Я шел след в след за стариком, чувствуя, как под тяжелой брезентовой тканью ОЗК спина покрывается липким потом. Встроенный в разгрузку дозиметр начал оживать. Его монотонный, ленивый шаг сменился частым, сухим треском: *тик-тик-тик-тик...*

— Семен, стой, — Катран резко поднял руку в тяжелой рукавице. — Впереди «лучевая яма». Ветер надул сюда пыль со складов Аральска-7. До донышка пробивает.

Я прильнул к наглазнику прицела своего старого АК-74. Зеленоватая прицельная сетка тускло фонила от статического электричества. В пятидесяти метрах впереди, прямо между разрезанным пополам корпусом буксира и соляным барханом, воздух едва заметно марился и дрожал, словно над раскаленным асфальтом в летний зной. Это была не просто радиация — в низине затаилась термическая микро-аномалия «Уголек», которая грела воздух вокруг себя, заставляя урановую пыль непрерывно циркулировать в замкнутом контуре.

— Обходим по правому борту траулера, — тихо скомандовал я сквозь резиновый клапан противогаза ГП-5. Мой голос прозвучал глухо, с характерным металлическим эхом. — Лёнька, не отставай.

Челкаш, шедший третьим, шумно дышал через свой кустарный фильтр. В его брезентовой разгрузке глухо побрякивали патроны. Пацан упрямо прижимал к груди ржавую банку шпротного паштета, словно это была величайшая ценность в Черте.

— Вереск, глянь на капитанский мостик «Правды», — прошептал Лёнька, дергая меня за лямку плаща.

Я плавно перевел ствол автомата вверх, ловя в прорезь прицела полуразрушенную надстройку корабля. Двери ходовой рубки были сорваны с петель. И там, прямо у разбитого иллюминатора, неподвижно стояла фигура в грязном советском морском бушлате.

Это был один из «оседлых». Его тело было полностью покрыто тонкой, полупрозрачной коркой соли, из-за чего в фиолетовом тумане он казался хрустальной статуей. Из его открытого рта, забитого соляными кристаллами, не доносилось ни звука, но его янтарные, лишённые зрачков глаза тупо и безмятежно смотрели в серую свинцовую даль Высохшего моря. Его разум давно выгорел на частоте 415 Герц.

— Не трогай его, Лёнька, — хмуро бросил я, опуская автомат. — Он нас не видит. Пока «Мертвый Буран» не начнется, они с места не двинутся. Они как деревья в этой соли.

Мы начали медленно огибать ржавый киль траулера, как вдруг Катран резко замер, и его стальной щуп с глухим стуком выпал из пальцев на соляной наст. Из темноты под пробитым днищем сухогруза донесся низкий, утробный, вибрирующий хрип, от которого у меня внутри мгновенно зажглась холодная сталкерская тревога.

Соляные слепцы вышли на охоту.

Глава 6: Слепцы из трюма

Низкий, утробный хрип повторился. Звук шел из-за пробоины в левом борту траулера, где ржавая обшивка разошлась широкой, зазубренной пастью. Пахло застарелым мазутом, тухлым йодом и сырой, гнилой солью Аральского дна.

— Соляные слепцы... — едва слышно выдохнул Катран.

Старик мгновенно опустился на одно колено, бесшумно убирая шуп и перехватывая свой тяжелый 23-миллиметровый карабин КС-23. Его слепые бельма судорожно дернулись. В замкнутом пространстве под килем корабля старик ориентировался по звукам лучше любого зрячего бродяги.

Из темноты пробоины медленно, словно нехотя, выползло первое существо. Оно переродилось из одичавшего каспийского тюленя, застрявшего на мелководе в восемьдесят девятом, но Черта полностью переписала его анатомию. Тварь была размером с хорошего кабана. Лоснящееся серое тело, лишенное шерсти, было сплошь покрыто толстыми, складчатыми наростами из известняка и слежавшейся соли. Эта кустарная броня тускло фосфоресцировала в фиолетовом тумане.

Вместо лап у слепца развились короткие, чудовищно мощные когтистые лапы, которыми он с сухим хрустом скреб по насту. Самым жутким была морда — полностью лишенная глаз, затянутая бледной, шрамированной кожей. Тварь вела носом из стороны в сторону, шумно втягивая воздух своими огромными, сочащимися слизью ноздрями. Слепцы не видели свет, но они идеально чувляли тепло человеческого тела и вибрацию шагов на расстоянии в сотню метров.

За первой тварью из трюма показалась вторая — чуть меньше, но более подвижная. Она издала тонкий, ультразвуковой писк, от которого стекла моего противогаза ГП-5 жалобно звякнули, а в висках взорвалась острая, колющая боль.

— Вереск, они нас прижали! — панически прошептал сзади Лёнька Челкаш, лихорадочно вытягивая из-за пояса свой старый пистолет ТТ. Его пальцы в грязных перчатках крупно дрожали. — Валить надо!

— Тихо, не дергайся, — процедил я сквозь резиновый клапан маски.

Я плавно поднял старый АК-74 к плечу, ловя на мушку широкую грудь вожака. Деревянный приклад, обмотанный синей изолентой, привычно уперся в плечо комбинезона ОЗК. Палец замер на холодном металле спускового крючка. В магазине оставались только старые патроны 5.45 со ржавыми гильзами из запасов Михалыча. Обычный свинец вряд ли пробил бы толстую соляную броню твари с первого выстрела — нужно было бить точно в открытые ноздри или под складки шеи.

Вожак слепцов резко поднял морду, его ноздри судорожно расширились. Он почуял запах подтаивающего пушечного сала от моей перловки и тепло нашего дыхания. Тварь издала яростный, булькающий рев и, тяжело переваливаясь на своих мощных лапах, с неожиданной для такой туши скоростью ринулась прямо на нас, сминая соляные сугробы.

— В сторону! — гаркнул я, отталкивая Челкаша к ржавому борту сухогруза.

В ту же секунду прямо над моим ухом оглушительно, раскатисто бахнул КС-23 Катрана. В замкнутом пространстве между кораблями выстрел прозвучал как взрыв ручной гранаты. Из огромного ствола вырвалось длинное облако серого порохового дыма. Тяжелый самокрутный заряд из рубленой свинцовой проволоки ударил вожака слепцов точно в складку шеи.

Тварь дико, пронзительно взвыла. Осколки соляной брони вместе с черной, пахнущей йодом кровью брызнули на белый наст. Вожак отбросило назад на пару метров, он завертелся на месте, калеча лапами соль, но не сдох — его мутировавшая плоть была невероятно живу-

чей. Второй слепец, привлеченный запахом крови и грохотом, прыгнул на Катрана со стороны кормы, широко разинув пасть, усаженную тремя рядами мелких, острых как иглы зубов.

Я поймал его бледную морду в прорезь прицела и нажал на спуск.

Автомат привычно затрясся в руках, выплевывая короткую очередь из трех выстрелов: *та-та-та!* Три пули ушли точно в открытую пасть мутанта. Слепец споткнулся на полной скорости, ткнулся носом в соль и по инерции докатился до самых сапог Катрана, судорожно дергая когтистыми лапами в предсмертных судорогах.

Вожак, тяжело хрипя и истекая черной жижей, понял, что легкой добычи не будет. Он издал короткий, предостерегающий свист, развернулся и, оставляя за собой широкий кровавый след, стремительно скрылся в темноте пробоины сухогруза.

Я тяжело дышал, внутри резиновой маски противогаза стало жарко. Дозиметр на разгрузке продолжал сухо и часто трещать: *тик-тик-тик...* Выстрелы и возня подняли с солончака тучи радиоактивной мелкой пыли.

— Живой, старик? — я подошел к Катрану, помогая ему подняться.

Старик уже лихорадочно переламывал свой карабин, выковыривая пальцами дымящую толстую гильзу и загоняя в ствол новый патрон. Его бледное лицо было спокойным.

— Живой, Семен, — прохрипел проводник, натягивая намордник респиратора. — Но патронов у меня осталось всего три штуки. Если в трюмах «Правды» сидит целая стая, мы до «Сухого дока» не дойдем. Лёнька, кончай дрожать, подбирай мой шуп и шевели поршнями. Туман падает, скоро «Черный прилив» начнется.

Мы быстро двинулись дальше, обходя ржавые корпуса кораблей по широкой дуге. Черта вокруг нас становилась все более обитаемой и опасной.

Глава 7: Горький чай на «Ржавой Эскадре»

Фиолетовое марево тумана к полудню окончательно съело горизонт. Свинцовое небо над Высохшей Чертой опустилось так низко, что казалось, будто его можно задеть стволом автомата. Ветер стих до звенящей, пугающей тишины, в которой каждый шаг по соляному насту отзывался хрустальным, хрупким эхом.

Мы шли уже шесть часов без передышки. Мой комбинезон ОЗК насквозь пропитался потом, резина противогаза ГП-5 въелась в кожу лица, а в горле стоял стойкий, неистребимый привкус сухой щелочи. Дозиметр на разгрузке 6Б5-15 мерно и лениво пощелкивал, удерживая безопасные двадцать микрорентген. «Лучевую яму» у Кладбища Исполинов мы благополучно миновали, оставив соляных слепцов зализовать раны в трюмах гнилой «Правды».

— Пришли, бродяги, — Катран остановился и поднял свой стальной щуп, указывая вперед, в серую пелену тумана. — «Ржавая Эскадра». Наш промежуточный фарватер.

Сквозь фиолетовую дымку солончака проступили циклопические контуры трех намертво зажатых солью военных кораблей. Это был конгломерат из двух советских сторожевиков и огромного портового буксира, которые в восемьдесят девятом году выбросило друг на друга мощным тектоническим всплеском. Металл их бортов покрылся толстым слоем белой соли и рыжих каверн ржавчины. Между наклонившимися бортами кораблей на высоте нескольких метров были натянуты канатные мосты и навесные деревянные мостки, раскачивающиеся от малейшего дуновения ветра.

Это место сталкеры Черты называли «Сухим доком» — единственная относительно безопасная нейтральная база на тридцать километров вокруг, где хозяйничали вольные бродяги и не действовали законы бандитов Марата.

Мы медленно поднялись по шаткому, обледелому штормтрапу на борт головного сторожевика «Комсомолец». Прямо в бывшей матросской кают-компании, задраенной изнутри толстыми брезентовыми шторами, располагался местный бар. Воздух здесь был теплым, густым и с ходу бил в нос тяжелым запахом мазута от дизельного генератора, дешевого табака и жареного мяса.

Я сорвал с лица резиновый намордник противогаза, жадно глотая тяжелый подвальный воздух. Во рту сразу загорчило.

За стойкой бара, сооруженной из перевернутого спасательного плота, стоял Батор — старый, приземистый монгол с лицом, похожим на печеное урановое яблоко. На нем был засаленный фартук поверх выцветшего армейского бушлата без погон. Заметив нас, он оскалился, блеснув золотыми коронками.

— Опа! Вереск, старый лис, и слепой Катран! — Батор хрипло хохотнул, бросив грязное полотенце на стойку. — А мне люди Марата вчера трепались, что вас у «Ржавой Эскадры» соляные слепцы в наст закатали. Живые, значит. Что пить будете? Есть свежий «Мертвый якорь», только из трюма буксира подняли. Кислый квас с мазутом, зато хмель вышибает соляную тоску из башки на раз.

— Нам бы чего погорячее, Батор, — я устало опустился на металлический приваренный стул у стойки. Все мышцы гудели от долгого марша. — Завари степного чаю «Горчанка». И плесни туда «Черного сока» из саксаула, а то зубы ломить начинает от местной воды.

Торговец понимающе кивнул и выставил перед нами две закопченные железные кружки с дымящимся, черным как деготь отваром полыни и диких степных трав. Запах горечи и хвои мгновенно ударил в нос.

Рядом со мной Лёнька Челкаш с облегченным стоном грохнулся на соседний ящик. Он бережно достал из кармана свою помятую банку шпротного паштета и положил её на стойку перед Батором.

— Слышь, Батор, выменяй на пару кусков «Бородинского» сухаря и щепотку сахара-рафинада, — шмыгнул носом пацан, косясь на кружку с чаем. — Сил моих больше нет эту серую жижу Дока всухомятку грызть.

— Ладно, щегол, держи, — Батор сгреб банку паштета и выкатил Лёнке три черных, жестких как гранит ломтя хлеба, пахнувших тмином и сыростью.

Торговец оперся локтями о спасательный плот стойки и понизил голос, переводя свои желтоватые глаза на меня:

— Слышал, ты к югу целишь, Семен? К «Корпусу Б»? Не ходи туда. Там сейчас люди Марата совсем страх потеряли, «соляные крысы» все тропы перекрыли. Вчера караван Ильяса Скупщика на укрепленном «Урале» едва от них ушел у «Гнилого Маяка». Три колеса в хлам, двоих парней Марат лично в соль закопал. Они ищут проход к подземным лабораториям. Говорят, Марату какой-то теневой чинуша с большой земли чемодан советских золотых червонцев пообещал за документы из тамошних спецхранов.

Я замер с кружкой в руке, чувствуя, как горький чай обжигает язык. Значит, бандиты Марата тоже ищут архивы депортации и спецхраны НИИ. И у них есть люди, оружие и колеса, чтобы перекрыть нам весь фарватер.

В этот момент тяжелая железная дверь кают-компания с грохотом распахнулась. На пороге, покачиваясь от усталости и соляного психоза, стоял человек в глухом, старом костюме водолаза с обрезанными резиновыми шлангами и тяжелым шлемом-трехболтовкой под мышкой. Это был Профессор — бывший школьный учитель истории Вадим Андреевич, сошедший ума после гибели семьи в восемьдесят девятом. На его ржавом скафандре ровным рядом были приколоты советские значки: «Ударник пятилетки», «ГТО», «Отличник просвещения». Его глаза горели безумным, лихорадочным блеском.

— Товарищи! — закричал он, взмахнув свободной рукой в грязной рукавице. — Сводка Совинформбюро! План тринадцатой пятилетки выполнен! На «Корпусе Б» зажглись огни! Красный флаг реет над лабораторией! Скоро прибудет спецпоезд из Москвы! Вставай, страна огромная!

Сталкеры в углу бара угрюмо, недобро заржали. Кто-то бросил в сумасшедшего сухую корку от полынного хлеба, но Профессор даже не шелохнулся. Он бережно подобрал корку, засунул её в карман скафандра и тихо, едва слышно зашептал под нос: *«Союз нерушимый республик свободных...»*

Я посмотрел на Катрана. Слепой старик сидел замерев, его костлявые пальцы судорожно сжимали железную кружку с горьким чаем.

— Он не врет, Вереск, — тихо, одними губами прошептал старик, склонив голову к моему плечу. — Сумасшедшие и «оседлые» в Черте первыми чувствуют, когда Зона начинает ворочаться в своем соляном гробу. «Корпус Б» действительно просыпается. Аномальные поля вокруг него приходят в движение. Если мы не поторопимся, Марат или фанатики Пустынников перекроют нам все безопасные тропы старого фарватера. Допивай чай, сержант. Пора двигаться к «Гнилому Маяку», пока «Черный прилив» не отрезал нам дорогу.

Глава 8: Мертвый свет и Клондайк

Мы покинули тепло «Ржавой Эскадры» через два часа, когда фиолетовый туман на поверхности окончательно превратился в удушливое, плотное варево. Ступени штормтрапа эсминца «Комсомолец» покрылись свежей, скользкой коркой щелочи, которая с тихим шуршанием осыпалась под нашими тяжелыми берцами.

Катран вел нас строго на юг. Его стальной шуп мерно отстукивал рваный, ржавый ритм по соляному насту. На палубах брошенных траулеров, мимо которых мы пробирались, замерли еще несколько «оседлых». В фиолетовой мгле их покрытые белым налетом фигуры казались соляными пилонами, подпирающими свинцовое небо. Они не шевелились, но в звенящей тишине Черты мне казалось, что из их сухих, забитых солью глоток доносится едва уловимый, вибрирующий гул — та самая частота 415 Герц, выжигающая остатки человеческого разума.

К исходу третьих суток марша туман впереди внезапно разорвался, и перед нами из ослепительно белого соляного поля вырос гигантский, уродливый каменный зуб. Это был «**Гнилой Маяк**» — огромная скала, которая до катастрофы 1989 года была уединенным скалистым островом посреди Аральского моря, а теперь торчала посреди соли мертвым остовом.

На самой вершине скалы, цепляясь за выветренный известняк, высилась полуразрушенная кирпичная башня старого советского маяка. Его циклопическая стеклянная линза, деформированная и перерожденная адской термической энергией Первого Спурта, непрерывно, в такт биению сердца Зоны, пульсировала зловещим, резким фиолетовым светом.

— Глаза прикройте, бродяги! Фильтры зажмите! — гаркнул Катран, резко падая на колени прямо в соляной сугроб под защитой огромного придонного валуна.

Я рухнул следом, увлекая за собой Лёньку Челкаша. В ту же секунду гигантский фиолетовый луч «Мертвого света» скользнул по верхушкам соляных барханов всего в десяти метрах от нашей засады. Воздух в том месте мгновенно затрещал, наполнившись едким запахом озона и жженой шерсти. Старый ржавый лист обшивки от какого-то катера, торчавший из соли, под воздействием этого луча прямо на наших глазах покрылся густым слоем пушистого, светящегося фиолетового мха, который за секунды растворил сталь, превратив ее в оранжевую труху.

Этот свет выжигал сетчатку глаза за доли секунды и превращал плоть в известняк. Но у него было одно свойство, ради которого сталкеры были готовы рисковать шкурой. Маяк работал как гигантский сепаратор Зоны. Его аномальная энергия выжигала слабые фракции, но сбрасывала всё самое ценное вниз, к подножию скалы, в узкое и глубокое тектоническое ущелье, которое Катран называл «слепой зоной». Там, скрытый от фиолетового ока башни, лежал настоящий Клондайк Высохшей Черты.

— Двигаем, пока линза на второй оборот пошла, — прохрипел Катран, срываясь с места.

Мы кубарем скатились по крутому соляному склону прямо на дно ущелья. Здесь, вдали от ветра, царил густой, сырой полумрак, а гранитные стены скал были густо покрыты фосфоресцирующим мхом. Мой встроенный дозиметр на разгрузке 6Б5-15 зачастил чуть быстрее: сорок микрорентген, пятьдесят... Радиация здесь въелась в камень на десятилетия вперед, но то, что я увидел на дне ущелья, заставило меня забыть о цифрах.

Артефакты лежали в черной, маслянистой химической грязи, словно выброшенные прибоем драгоценные камни докатастрофной эпохи.

Прямо у моих ног, преодолевая земное притяжение, медленно приподнималась над землей на несколько сантиметров пористая, невесомая субстанция, похожая на застывшую морскую пену — «**Пена Дьявола**». Она тускло отливала перламутром. Если положить такой кристалл в карман рюкзака, тело сталкера становилось легче: можно было прыгать на огромные расстояния и не проваливаться даже в самую зыбкую соляную грязь солончаков.

Чуть дальше, в узкой расщелине скалы, светило нежным, глубоким внутренним светом **«Сердце Наутилуса»** — идеальная перламутровая раковина, внутри которой непрерывно, по замкнутому контуру, циркулировала чистейшая светящаяся жидкость. Этот артефакт полностью нейтрализовал любые ядовитые испарения Черты и фильтровал болотную или соленую воду, превращая её в питьевую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.